

Šlosar, Dušan

Чешские композиты с диахронной точки зрения

In: Šlosar, Dušan. *Česká kompozita diachronně*. Vyd. 1. V Brně: Masarykova univerzita, 1999, pp. 80-102

ISBN 8021020717

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/123030>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Чешские композиты с диахронной точки зрения

(Резюме)

1. Общеславянское происхождение композитов

Раскрыть общеславянское происхождение отдельных типов композитов возможно лишь при помощи сравнительно-исторического метода: наличие того же самого сложения в более, чем одной группе (т. е. западной, восточной или южной) славянских языков, дает возможность предполагать о его праславянском происхождении. Старославянский язык, будучи интеллектуализированным языком с большим количеством калек из греческого языка, подлинных примеров предложить не может. Для различия лексических слоев, относящихся к разным периодам развития, необходимо прежде всего принимать во внимание коннект, соединяющий оба компонента сложения. В общеславянскую эпоху им у субстантивных первых компонентов был краткий основообразующий гласный первого компонента, т. е. *-o-* у *o*-основ и *a*-основ, *-e-* у *jo*-основ и *ja*-основ, *-ъ-* у *u*-основ, *-ь-* у *i*-основ; основы на согласный присоединялись при помощи аналогичного коннекта *-o-*. Первый адъективный компонент присоединялся коннектом *-o-*. У первых компонентов имён числительных коннект определялся их исконным типом склонения. У первого глагольного компонента коннектом, как правило, был *-i-*. Характерной структурной чертой подлинных общеславянских словосложений была двухчленная структура без суффиксов: композит был оформлен лишь морфемой соответствующей части речи, т. е. окончанием. Результатом таким образом задуманной концепции реконструкции являются общеславянские типы композитов следующего порядка:

Субстантивные:

S-K-V

*zъl-o-děj-ъ

*tuch-o-mor-ъ

*voj-e-vod-a

*med-v-ěd-ъ

*kol-o-maz-ъ

V-K-S

*bol-i-golv-ъ

*Mъst-i-slav-ъ

A-K-S

*zolt-o-golv-ъ

*čъ n-o-byl-ъ

Адъективные:

A-K-S

*kriv-o-nog-ъ

Субстантивные:

*Svět-o-pjk-ъ
 *Vyš-e-gord-ъ
 N-K-S
 *devět-b-sil-ъ
 *pol-ъ-nokt-ъ
 *in-o-rog-ъ

Адъективные:

N-K-S
 *jedin-o-ok-ъ

2. Развитие коннектов

(В качестве пояснения: в предлагаемом вниманию исследовании древнечешским периодом мы обозначаем эпоху с конца X в. по 1500 г.; поздним древнечешским периодом — отрезок с 1500 г. по 70-е годы XVIII в.; периодом национального возрождения — последующее время, длящееся до половины XIX в.; новым периодом чешского языка — время с конца XIX в. до наших дней.)

Первые субстантивные компоненты в общеславянском языке присоединялись при помощи коннектов основообразующего происхождения (см. выше); у основ на согласный эту задачу выполнял аналогичный коннект *-o-*, так как согласный роль коннекта выполнять не мог. Первые адъективные компоненты присоединялись подобным образом: поскольку среди имен прилагательных преимущественно были *o/a*-основы и *jo-/ja*-основы, коннектами были лишь *-o-* (*čŕn-o-byl-ъ) и *-e-* (*Vyš-e-gord-ъ). У первого компонента имени числительного коннект предопределялся основообразующим гласным той части речи, из которой и возникло собственно числительное: *pol-ъ-nokt-ъ, *devět-b-sil-ъ. Первые глагольные компоненты присоединялись коннектом *-i-* (*bol-i-golv-ъ), ошибочно считавшимся окончанием императива. Однако глагольная основа на гласный входит в сложение без коннекта (см. др.-чеш. личное имя *Ubyněga*). Этот факт ставит теорию об императивном окончании первого компонента под сомнение.

Первоначальное состояние изменялось в первую очередь в тех случаях, где первым компонентом было числительное. Еще в эпоху общеславянского единства исконный коннект был заменен окончанием род. пад. (см. рус. *двоюродный*, ст.-сл. *tridьnevьnyъ*). В древнечешском это уже преобладающая форма: *dvúlistec, třŕhanatý*... Этот факт подтверждает процесс становления числительного как самостоятельной части речи.

В древнечешском языке у субстантивных первых компонентов преобладает коннект *-o-*: *medojěd, piesnotvor*... Нулевой коннект появляется в редких случаях: *kovkop, Vojtěch*... *Ja*-основы присоединяются при помощи коннекта *-ě-* (*zeměťas*). Новым является коннект *-i-*, используемый, вероятно, под влиянием диссимилятивного принципа: *hovnival, konipas, Hostivaři*... Этот факт, очевидно, является проявлением прекращения роли основообразующих гласных, как определяющего принципа для склонения существительных. Первые адъективные компоненты присоединяются

только при помощи коннекта *-o-* (*črnovlasý, c'uz'ozeměnín*). Соответствие глагольного коннекта *-i-* первоначальному окончанию императива вело к тому, что в древнечешском языке появляются первые компоненты с новой формой императива ед. ч. без окончания, напр. *stulikep* и *stulkep*.

С возникновением суффиксальных композитов в древнечешском языке появились сложения с первым компонентом в форме родительного падежа (наряду с *vinobranie* было и *vinabranie*), с первым компонентом в форме предложной конструкции (*zmrtýchvstání*) или наречия (*znovuvysazenie*). В поздний период древнечешского языка первые субстантивные компоненты присоединялись в преобладающем большинстве при помощи коннекта *-o-*, реже *-i-*, и в очень редких случаях — в форме род. пад. (*nohsled*). Широкое использование, однако, получают новые сложения со вторым адъективным и первым субстантивным компонентом в форме род. пад. (др.-ч. *bohobojný // bohobojný*, позже — *chvályhodný*...). Первый компонент в форме числительного представлен в родительном падеже в большинстве случаев. Исключением является несколько новых сложений с первым компонентом в форме *polo-*, т.е. с коннектом, типичным для субстантивов (*pololetie*).

В современном чешском языке у первого субстантивного компонента преобладает коннект *-o-*, у древних *ja*-основ — *-ě/-e-*, а у некоторых древних *i*-основ *-i-*. Первый компонент в форме род. пад. встречается в ограниченном количестве сложений со вторым отглагольным компонентом (*knihtiskárna, zbožšznalec*) и у некоторых вторых компонентов адъективного характера (*tancechtivý, liduprázdny*), однако, это проявляется не всегда последовательно (*vzduchoprázdny*). Первый компонент, представляемый именем числительным, имеет форму родительного падежа тогда, когда числительное обладает своим типичным склонением (*pět, mnoho*...). Первый компонент глагольного характера обычно имеет форму императива (*tlučhuba*). Окончание формы родительного падежа первого компонента, по всей вероятности, выражает не синтаксическое отношение (*bleskurychlý*), а имеет одинаковую коннективную, т.е. делимитативно-соединительную функцию, как и коннект (*bleskosvod*). То же самое можно сказать и об императивной форме первого глагольного компонента. Коннекты, совпадающие с основообразующими гласными, как и сегменты, совпадающие с падежными или другими окончаниями, в течение всего исторического периода выполняют одинаковую функцию и синтаксических отношений не отражают.

3. Композиты-существительные со вторым отглагольным компонентом

Основным их представителем является модель S-K-V, еще в общеславянском языке относившаяся к самым распространенным. Данные формации можно обнаружить во всех трех группах славянских языков: так например праславянскому **zblodějъ* отвечает чешское *zloděj*, русское *злодей*, словинское *zlodej*.

Об исконности вышеотмеченной модели сложений в общеславянском языке свидетельствует образование **medvěďь*, которое должно было возникнуть еще до того, как краткий основообразующий *-u* первого компонента утратил свою лабиализованность и изменился в *-ъ*, и еще перед

появлением протетического *j-* в начале второго компонента: стык обоих гласных в результате привел к изменению *-u-* в *-v-* (*medhuedis > *medvěďb). Оба компонента сложения имеют в общеславянском языке непроемный (исконный) характер; второй компонент представляет собой глагольный корень. Он же, снабженный субстантивной морфологической характеристикой, называет действие как абстрактную (напр. *-tokъ* в *krъvotokъ) или чаще как конкретную субстанцию, признаком которой является действие (напр. *-morъ* в *tuchomorъ). Первый компонент является прямой номинацией субстанции, представляющей собой некоторое дополнение этого действия: его агенс (*krъvotokъ), пациенс или же субстанцию, на которую направлено действие (*kolomazъ), обстоятельство действия (*nokъlegъ) и т. д.

С утратой принципа склонения по основообразующим гласным/согласным коннект больше не определяется первым компонентом сложения. В древнечешском языке коннект *-o-*, ранее отвечающий *o*-основам, *a*-основам и основам на согласный, становится преобладающим. Он присоединяет затем и первые компоненты *u*-основ (*medojěd*) и *i*-основ (*smrtonoš*). *Ja*-основы, у которых предполагается коннект *-e-*, в древнечешском соединяются при помощи коннекта *-ě-* (*zeměťas*). Нулевой коннект, возникший из основообразующих *ь* и *ъ*, в новых сложениях появляется в исключительных случаях (*kovkop*, *Vojtěch*). Новым коннектом становится *-i-* (*konipas*), см. выше.

Оба компонента так же, как и в праславянском, представляют собой исконные образования. Первый компонент производного характера встречается в исключительных случаях. Речь идет либо о субстантивных основах, не считающихся производными (напр. *svieć* в *svieconoš*), либо такие сложения имеют характер искусственно образованного слова. Чаще всего в древнечешском представлены вторые компоненты: *-ber*, *-cěl*, *-děj*, *-hled*, *-jěd*, *-jěz*, *-lep*, *-liz*, *-lup*, *-mor*, *-nos*, *-noš*, *-pad*, *-pal*, *-pis*, *-plaz*, *-púd*, *-stroj*, *-ščěp*, *-teč*, *-těch*, *-toč*, *-tok*, *-tvor*, *-vád*, *-val*, *-var*, *vid*, *-vod*. Семантические отношения между обоими компонентами остались такими же, как и в праславянском языке, и далее словоформой не определяются.

Описываемый тип также широко применялся при образовании композитов в ранний период развития чешского языка для обозначения коллектива жителей. Позже эти сложения стали топонимами (*Sěnohrabi*, *Vodocho-di...*) и характерны для названий самых древних поселений. Однако в более поздний период этот тип собственных имен перестал быть продуктивным.

Сложения одинаковой структуры, но с морфологической характеристикой *-a* (*modlosluha*, *konivoda...*) остаются за вышеприведенным типом на периферии как в древний, так и в последующий период.

В поздний древнечешский период бессуффиксальные сложения не представляют собой продуктивные типы. Лишь единственный пример, формация Коменского *slovozrpyt*, своим префиксальным вторым компонентом напоминает о потенциальной продуктивности типа. Об этом позже свидетельствует словарь Добровского, новые сложения которого характеризуются прежде всего как нетрадиционными первыми (*štitonoš*, *časopis*,

časozpyt), так и некоторыми вторыми компонентами (*hrdlobol, větrozor...*), чаще всего *-měr (časoměr, uhloměr...)*.

Несмотря на то, что в современном чешском языке вторые компоненты сложений в префиксальной форме встречаются спорадически, безаффиксальный тип S-K-V не перестает быть продуктивным. Наиболее ярко это проявляется в сложениях со вторыми компонентами *-měr* и *-tisk*. Первые компоненты в большинстве случаев являются непроизводными основами и чаще, чем в древнюю эпоху, выражают субстанцию, на которую направлено действие. Композиты с морфологической характеристикой *-a (hrůzovláda)* в наше время играют весьма незначительную роль.

У сложений без аффиксов со вторым отглагольным компонентом первым компонентом может быть и имя прилагательное (т.е. A-K-V: *ostrovid*). Однако его праславянское происхождение не бесспорно. В древнечешском языке эта модель использовалась прежде всего для образования имен собственных (*Dobromysl, Hlubočrpi*). В позднюю эпоху появляются лишь немногочисленные примеры нарицательных имен (*marmotlach*). В эпоху национального возрождения этот тип вновь на некоторое время стал использоваться при образовании имен лиц (*Květoslav*). В чешском языке наших дней вышеописанный образец используется в области терминологии (*těsnopis*).

Композиты без аффиксов, оформленные лишь морфологической характеристикой, не обладали возможностью отличать абстрактные наименования от конкретных, затем их делить на неодушевленные и одушевленные, и, кроме того, в последних проводить разницу между обозначением лица и животного. Этот недостаток был устранен суффиксальными сложениями, успешно развивающимися с самого начала древнечешского языка. Наиболее продуктивным стал так же, как и у простых имен, обозначающих действие, суффикс *-nie/-tie (vínobranie, krupobitie)*. У сложений такого рода уже в ранний период древнечешского языка первый компонент в некоторых случаях появлялся в форме родительного падежа. Условием для их живого продуктивного роста были такие образования, форма первого компонента которых была сходной с род. пад. (*zemětřěsenie*); они были образцом для возникновения сложений типа *vínobranie*. Предварительной фазой развития данных композитов была нетипичная позиция приименного родительного перед именем существительным, обозначающим действие (*mženie oka → oka mženie → okamženie*). В роли первого компонента могла появиться как основа имени прилагательного (*prázdomluvenie*), так и им. числительного (*jednorozenie, mnohomluvenie*) и наречия (*dostidanie*).

В эпоху позднего древнечешского новые образования с суффиксом *-nie/-tie* появляются весьма редко; при этом не наблюдается особенной разницы между словосложением с обычным коннектом (*čepobití*) и с формой родительного падежа первого компонента (*děkūčiněti*).

В чешском языке новой эпохи композиты суффиксального образования с существительным (*vlnobití*), прилагательным (*dobrozdání*), наречием (*znovuotevření*) и числительным (*polosněti*) в роли первого компонента представляют собой немногочисленную группу; их общее количество

значительно меньше, чем в древнечешском языке. Об их ограниченной продуктивности свидетельствует и тот факт, что в качестве первых компонентов не используются заимствованные основы.

Сложений с суффиксом *-ba* (*ptákověšba*) в древнечешском языке было мало. Их продуктивность относится к более позднему периоду, а именно к тому времени, когда наряду с формами типа *vodolěba* появляется и образование с первым заимствованным компонентом (*rádiolěba*). В роли первых компонентов могут появляться и основы им. прилагательного (*rychlopalba*).

Сложение, комбинируемое с суффиксацией при помощи форманта *-ka*, в отличие от вышеприведенных типов прежде всего представляет собой наименование конкретного значения. В древнечешском языке они редки и часто имеют искусственный характер (*dřevoluščka*). В эпоху позднего развития древнечешского языка появляется несколько других наименований, таких как *medojedka*, *muchotravka*. Образования типа *koloběžka*, *minolovka* в современном чешском языке свидетельствуют о продуктивности этой модели в наши дни.

Композиты со структурой S-K-V с суффиксом *-ec* обозначают действующее лицо. Суффикс, характеризующий лицо, определяет семантику этих образований: их первый компонент выражает дополнение относительно субстанции, на которую направлено действие, или обстоятельства этого действия (*zlatotepec*, *dřevorodec*). В древнечешском языке данные образования представлены широко, но лишь в немногих случаях они совпадают с также многочисленными композитами в старославянском языке типа *člověkoljubьсь*. В древнечешском языке речь, следовательно, идет не о заимствованиях, а об исконном словопроизводстве. Однако этот тип словосложений приостанавливается в эпоху позднего развития древнечешского языка и затем вновь возрастает в эпоху национального возрождения (*jazykotepec...*). В современном чешском языке это продуктивный тип (*břichomluvec*, *veršotepec*). Еще в раннюю эпоху древнечешского языка в качестве первого компонента используются и основы имен прилагательных (*křivochvalec*); в поздний период древнечешского (напр. *marnotrtec*) и в современном языке (*krasojedec*) его продуктивность ограничена.

Композиты одинаковой структуры, но с суффиксом *-ě* (*mužobojě*) представлены в нашем материале, относящемся к древнечешской эпохе, примерно тридцатью образованиями. В отличие от вышеприведенной модели в них чаще всего встречаются первые компоненты в форме род. пад. (*daróvbercě*, *jiedlanošcě*). Можно найти и структурные дублиеты (*jiedlanošcě* // *jiedlonošcě*). Часты и дублиеты с обоими суффиксами, обозначающими действующее лицо (*zločincě* // *zločinec*). До позднего периода древнечешского яз. не дошли все древние сложения с суффиксом *-ce*, однако, спорадически появляются новые слова: *lidokrádce*, *žatùkrádce*. Ограниченность продуктивности в новый период чешского языка сохраняется (*mravokárce*, *strojvůdce*). О функциональной специфичности суффиксов *-ec* и *-ce*, столь ярко проявляющейся у дериватов, в связи с композитами говорить трудно. Имя прилагательное в качестве первого компонента сложения (*marnochlúbce*, *zlořečce*) в древнечешском языке встречалось чаще. В современный чешский язык дошло лишь одно, а именно: *krutovládce*.

Композиты с суффиксом *-č* в древнечешском языке редкостью не являются, однако, то, что сохранилось в письменных материалах, имеет характер искусственно образованных неологизмов (напр. *očilupač* в словаре Кларета). В поздний период др.-чеш. яз. такие образования встречаются не часто и характеризуются нулевым коннектом (*knihvazač*). В современном же чешском языке, где в качестве первого компонента наряду с основами им. существительных (*vlhkoměřič*) могут быть основы им. прилагательного (*rychlouvač*), местоимения (*samovač*) а также и заимствованная основа (*elektrovodič*), данная структура преимущественно называет неодушевленные предметы; такие наименования как *bacilonosič* (действующее лицо) встречаются весьма редко. Более широкая сочетаемость является свидетельством живой продуктивности данного типа в наши дни.

На периферии в древнечешском языке находятся композиты с суффиксом *-tel*, первый компонент которых имеет форму род. пад. (*mateřezabitel*). Это в основном искусственные образования. В современном чешском языке единственным примером является сложение *místodrželitel*. Редки композиты и с именем прилагательным в роли первого компонента (*velkoodběratel*), несколько чаще используется наречие *spolu-* (*spoluzakladatel*).

Остальные сложения с суффиксами *-l* (*všudybyl*), *-ek* (*tichošlápek*) и *-ník* (*světoběžník*) в течение всего исторического периода употреблялись мало.

Несмотря на то, что продуктивность сложений со вторым отглагольным компонентом была ограничена тем, что второй компонент мог быть представлен (за редкими исключениями) лишь префиксальным глагольным корнем, они вне всякого сомнения являются самым продуктивным типом композитов вообще. Свободная семантическая сочетаемость вторых компонентов с первыми и прежде всего развитие суффиксально-сложных типов стали решающим условием их спонтанного роста.

4. Композиты-существительные со структурой V-(K)-S

существовали уже в праславянском языке. Между обеими основами находился коннект *-i-* (**bol-i-golv-ъ*), который не по праву считается флексией императива. Сложное слово в целом заканчивалось морфологической характеристикой *-ъ*, причем даже в тех случаях, когда вторым компонентом была а-основа жен. р. Эти и подобные им образования по данной модели можно обнаружить во всех группах славянских языков (чеш. *močihub*, рус. *болиголов*, серб. *kalivod*).

В древнечешском языке данный тип находился скорее на периферии, чем тип той же структуры, но с противоположным порядком компонентов (напр. *listopad*). Это объяснялось тем, что второй субстантивный компонент муж. р. с исконной морфологической характеристикой (*lom-i-kámen-0*) не отвечал значению словосложения: *lomikámen* не порода камня, а название растения, разрушающего камень. Периферийные словообразовательные модели могли быть использованы в качестве названия терминологических элементов (др.-чеш. *trativod*), экспрессивных наименований (др.-чеш. *močihub* „пьянчуга“), а также для образования имени собственного (*Rostislav*) и наименований коллектива жителей (*Hřešihlavi*). В области имен собственных это был весьма распространенный тип. Его продуктивность объясня-

ется тем, что его глагольный компонент мог быть и префиксальным (*Smysliboj*). В древнечешском языке морфологическая характеристика муж. р. уже не была столь последовательной (*Vyždmihuba*). В области образования имен собственных начала формироваться специфическая парасистема, особенностью которой была свободная комбинированность компонентов, независимая от их семантики (*Vladislav*). В сфере терминологии появился ряд креативных образований Кларета (*hudivarhan*).

Наряду с исконным коннектом *-i-* в древнечешском языке появляется не только образование без коннекта, когда глагольная основа оканчивается на гласный (*neznaboh*, *Ubyněga*), но и композиты с коннектом *-o-* (*kratochvíle*, *Ščipoklasy*). Несмотря на то, что первый компонент с коннектом не был настоящим императивом, в ранний период древнечешского языка его так могли воспринимать; это привело к возникновению композитов с первым компонентом в форме позднего императива (*stulkep*, *Melhuba*). В эпоху поздней стадии древнечешского яз. образование имен собственных приостанавливается и возникают только имена нарицательные. Это либо термины типа *střebivejce* или *kazimluv*, либо экспрессивные наименования, такие, как *třeštihlav*. Новыми в данный исторический период являются суффиксально-сложные образования терминов (*třasofitek*, *střebikrevka*). В следующем этапе развития возникают главным образом экспрессивные наименования лиц, такие, как *kazisvět*, *slobidlo*.

О непрекращающейся продуктивности образования экспрессивных наименований в современном чешском языке свидетельствуют сложения с первым префиксальным компонентом (*utřinos*, *otevřhuba*); единственным примером другого рода является термин *kratiknot*. Редки в современном чешском языке новообразования с одинаковой структурой, но различной семантикой; второй компонент у них по значению сходен с наименованием целого: *vratiprst*, *svítiplyn*.

Композиты исследуемой структуры в течение всего исторического периода хотя и были продуктивными, но представляли собой типичный периферийный тип; это проявляется в их ограниченном употреблении в области экспрессивных и собственных имен.

5. Композиты-существительные со структурой А-К-S

имели место еще в праславянском языке. Их специфической чертой было то, что у них всегда была морфологическая характеристика муж. р.: праславянское *čъ n-o-zem-ъ (рус. чернозём, болг. чърнозем, поль. czarnoziem). Рассматриваемые сложения классифицировались по двум значениям: внутреннему (эндоцентрическому) (*čъnozemъ „черная земля“) или внешнему (экзоцентрическому) (*zoltogolvъ „ткань с золотыми нитями“). Не исключено, что исконными были сложения с экзоцентрическим значением, возникшие в результате субстантивизации адъективных словосложений типа бахуврихи. В раннюю эпоху древнечешского языка в рассматриваемых словосложениях преобладают образования мужского рода: *dobrodruh*, *veleryb* // *velryb*...; *ostropes*, *holobrad*... В этот период еще редки были случаи, когда сохранялась морфологическая характеристика женского или среднего рода: *dobrovóle*, *holohumno* ...

Оба разные в семантическом отношении типы развивались затем по-разному. Экзоцентрический тип преобладал в области образования имен собственных (*Svätoplk*), в то время как эндоцентрический использовался в сфере нарицательных существительных (*dobrovóle*). Экзоцентрический тип, следовательно, — это чаще всего личные имена (*Váceslav, Drahomíra*), названия жителей по месту жительства (*Holohlaví*) и связанные с ними образования топонимов (*Suchohrdly*). В более поздний период древнечешского языка развитие бессуффиксальных сложений с экзоцентрическим значением приостановилось. Эндоцентрические композиты сохранились в терминологической области. Сюда относятся как кальки типа *dobrozvěst* „evangelium“, так и живые, спонтанно возникшие термины типа *psiemucha*. Однако это тип скорее периферийного характера.

Вскоре к безаффиксальным сложениям добавились и несущие больше информации суффиксальные типы, обладающие способностью включать композит в ономастиологическую категорию. Это были образования с суффиксом *-ek* (*črnohlávek*), *-ník* (*pravokrevník*), *-ín/-ěnin* (*c'uz'okrajín, c'uz'okrajěnin*), *-(n)icě* (*holohumnicě*), *-ka* (*křivonoska*), *-ie* (*milosrdie*). В поздний период древнечешского языка сложные имена собственные с экзоцентрическим значением уже не создавались. Словосложения нарицательные с этой семантикой — редки (*bílolist, ostropysk*). Эндоцентрические сложения, в большинстве своем относящиеся к терминологии, немногочисленны (*bělohřibek, zlozvuk*). Об определенной продуктивности суффиксального типа экзоцентрических апеллятивов в отмеченный период свидетельствует Добровский (*starověrec, zlatořtek, bělozářka...*).

Поколение эпохи национального возрождения использует сложения с эндоцентрической семантикой с целью обогащения терминологических пластов языка (*kosočtverec, veselohra...*). Бесспорным является тот факт, что под влиянием немецких словосложений типа *Großstadt* возросла продуктивность рассматриваемого типа и за рамками терминологической области (*maloměsto, stejnokroj, zlozvuk...*). Несмотря на противостояние языковедческой теории во второй половине 19 в., как тогда, так и в наши дни этот тип чешских композитов является одним из наиболее широко представленных. Доминирующей областью образования экзоцентрических сложений осталась профессиональная терминология, однако, к терминам периода национального возрождения типа *ostrokvět* добавилось мало новых (*vysokokmen, krásnoočko*). Они представлены продуктивными типами суффиксальных композитов, главным образом с суффиксом *-ník* (*kosoúhelník, sudokopytník*) и *-ec* (*tlustokožec, cizozemec*), реже с суффиксом *-ek* (*levoboček*); среди сложений жен. р. доминирует суффикс *-ka* (*plavovláska, malorážka...*).

6. Композиты-существительные со структурой N-K-S

У праславянских словосложений с первым компонентом числительным были, как и у субстантивных первых компонентов, одинаковые по происхождению коннекты, а именно краткие основообразующие гласные: *devęt-ь-sil-ь (чеш. *devětsil*, рус. *девясил*, болг. *девесил*), *pol-ь-nokt-ь (древнечеш. *pólnoc*, рус. *полночь*, словин. *polnoč*). Если природа сложения была экзоцентрической, то морфологическая характеристика композита могла

отличаться от морфологической характеристики второго компонента (*devětšiltě*): она всегда была мужского рода. По-видимому в конце праславянской эпохи первый компонент начал появляться в форме генетива, как об этом свидетельствует напр. рус. *двунога*, имеющее параллель в ранних древнечешских образованиях с первым компонентом *dvů-* (см. далее).

В древнечешском языке бессуффиксальные композиты с числительным в качестве первого компонента, а он бывает в форме род. п., редки.: см. топоним *Třídvořy*, нарицательные наименования *čtyřhlas*, *pětiprst*, *desěti-strun*; *poluves*, *polúgroš* (с формой двойственного ч. у первого компонента). С этими образованиями конкурируют сложения с первым компонентом *dvoj-* (*dvojhlas*), *troj-/tře-* (*trojzvuk...*), *čver-* (*čvernoh*). Более динамичны, однако, суффиксальные композиты: *dvůřečie*, *dvělístec*, *třinožka* // *třenožka*, *čtyřlístec*, *čverocestitie...*

Характерными для раннего периода древнечешского языка являются многочисленные суффиксальные образования типа *polúgrošie*. Однако в конце данного периода в развитии первого компонента *pól* происходят изменения и в употребление начинают проникать образования с формой *polo-* (*pololetie*). При помощи коннекта *-o-* присоединяются также первые компоненты *mnoho* и *sto* (*mnohohlas*, *stoklasa*).

В поздний период древнечешского языка большинство суффиксальных образований типа *poloupíntí*, *poludní* прекращают свое существование. Однако снова начинают появляться безаффиксальные композиты с первым компонентом в форме *půl-* (*půlhodina*).

Новшеством периода национального возрождения является вновь устанавливаемый тип, у второго компонента которого морфологическая характеристика меняется на мужской род (*čtyřhran*, *mnohostěn*). У сложений данного периода с первым компонентом *tisíc-* наблюдается варьирование коннекта: *tisíciletí* // *tisícletí* // *tisícokvět*.

В современном чешском языке бессуффиксальное сложение снова преобладает над суффиксальным (*dvoukoruna*, *dvojhláska*). Сложения с первым компонентом *polo-* и *půl-* теперь редко бывают синонимами (*půlkruh* // *polokruh*). Новые композиты с *půl-* говорят о том, что речь идет о половине субстанции, названной вторым компонентом (*půllitr*); сложения же с *polo-* выражают неполную силу семантических признаков второго компонента (*polostín*). Из альтернирующих первых компонентов преобладает *dvoj-* (*dvojhláska*) над *dvou-* (*dvoukoruna*), *troj-* (*trojskok*) над *tří-* (*tříkoruna*), и почти исключительной является форма *čtyř-* (*čtyřhra*). Первый компонент *sto*, когда речь идет о большом количестве, получает форму *sta-* (*statisíce*). Суффиксальные композиты в наши дни встречаются реже (*dvojveslice*, *trojstěžník*, *sedmikráska...*). В большинстве случаев они имеют экзоцентрический характер.

Развитие рассматриваемого типа, таким образом, не было драматическим, редко появлялись и новые суффиксальные образования.

7. Композиты-существительные с местоимением в качестве первого компонента

Местоименные основы включаются в словосложения только в качестве их первого компонента; на общеславянское происхождение указывает лишь параллель чешского *samouk*, русс. *самоучка*, словин. *samouk*.

В древнечешском в качестве первого компонента используется *vše-* главным образом в области образования имен собственных: *Vševoj*, *Všechromy*, *Všerubi* (вторым компонентом может быть как основа существительного или прилагательного, так и основа глагола). В следующем этапе развития компонент *vše-* встречается лишь в сложениях с отглагольным вторым компонентом (др.-чеш. *všehoj*, совр. *všeuměl*, *všelékl*).

В древнечешском яз. первый компонент *samo-* вместе с отглагольным вторым компонентом выражает, во-первых, факт самостоятельно происходящего действия (*samoleť*), и, во-вторых, рефлексивное направление действия (*samotřýznění*). В поздний период древнечешского языка проявляется стагнация рассматриваемого типа, однако, в эпоху национального возрождения появляются многочисленные новые образования (*samomluva*, *samovražda*). Симптомом возрастающей продуктивности данного типа в наши дни является тот факт, что в качестве вторых компонентов появляются и выражающие действие префиксальные основы (*samooplodnění*, *samozápal*).

Первый компонент *sebe-*, обозначающий рефлексивно направленное действие, встречается в древнечешском яз. спорадически (*sebedověření*). В поздний период древнечешского этот тип также не представлен особенно ярко, а период национального возрождения предлагает лишь очень редкие неологизмы типа *sebevražda*. Только в современном чеш. языке возникает большое количество новых образований; симптомом для роста продуктивности данного типа является сочетаемость со вторым префиксальным (*sebeobžaloba*) и заимствованным компонентом (*sebekontrola*). Первый компонент *sobě-* очень редко встречается в древнечешских именах собственных (*Soběchleby*, *Soběslav*). Позже новые образования уже не возникают.

Посессивные местоимения в качестве первого компонента встречаются в редких древнечешских образованиях типа *Mojmír*, *Svojslav*. В современном языке были созданы лишь единичные случаи композитов типа *svěbytl*, *svévole*.

За исключением образований с рефлексивными местоимениями, композиты с первым прономинальным компонентом были и есть периферийным явлением в языке.

8. Композиты-существительные с наречием в качестве первого компонента

О возможности рассматриваемого типа быть праславянским явлением свидетельствует наличие сложения *mimochoď* как в древнечешском, так и словинском языках, а также в русской застывшей словоформе *мимоходом*.

В древнечешском языке этот тип представлен сложениями с *spolu-*, *dar-*, *doma-*, *dosti-*, *marno-*, *mimo-*, *okolo-*, *všudy-* в качестве первых компонентов.

Первый компонент *spolu-* сначала используется в сложениях со вторым компонентом, выражающим действие (*spolubytie*, *spoluobrana*) и деятеля (*spoludějčě*, *spoluúčastník*), а также название лица (*spoludietě*). Древнечешское словообразование *spolurukojmě*, в котором первый компонент сочетается

с композитом, свидетельствует о том, что *spolu-* постепенно переходит в префикс.

В поздний период древнечешского яз. продуктивными становятся сочетания со вторыми компонентами, обозначающими лицо (*spolunevěsta*). Живыми они являются и в чешском языке наших дней, а симптомом этого, кроме прочего, является и их сочетаемость с заимствованными основами (*spoluautor*). (Сочетаемость с названиями действий привела к обратной деривации ряда глаголов с первым компонентом *spolu-*, например: *spolupracovat, spoluorganizovat...*)

Первый компонент *darmo-*, начиная с древнечешского периода, встречается редко в экспрессивных названиях лиц (др.-ч. *Darmotlač*, др.-ч. позднего периода *darmotlach*, совр. *darmošlap...*).

Первый компонент *doma-* в древнечешском является составной частью собственных имен (*Domabor, Domamilici*), а в поздний и современный период — очень редких имен нарицательных (*domaválek, domased*).

Первый компонент *dosti-* встречается в редких композитах позднего древнечешского языка (*dostičinění*); также малочисленны и сложения-существительные с первыми компонентами *marno-, mimo-, okolo-, všudy-*.

Композиты-существительные с наречием в качестве первого компонента создаются главным образом путем транспозиции образований с прилагательным в качестве первого компонента (*ostroid*). Первые компоненты неадъективного происхождения являются лишь периферийной структурой, за исключением *spolu-*, постепенно перешедшего в префикс.

9. Композиты-существительные со структурой S-K-S

Общеславянское происхождение рассматриваемой структуры типа сложений с сочинительным отношением основ не однозначно.

В древнечешском языке представлен ряд главным образом искусственных образований терминологического характера (прежде всего у Кларета). Единственным примером топонима является *Dědíbaby*. В поздний период древнечешского яз. количество данных композитов не увеличилось; вне всякого сомнения сюда относятся лишь самопроизвольно возникшие *pan-táta* и *panímáma*.

Эпоха национального возрождения обогатила язык рядом искусственно созданных словообразований, в большинстве своем, однако, неузуальных (*lososopstruh, losokoz...*); из них в языке остались только некоторые (*lidoop*), узуальными стали гибридные русизмы *severozápad, severovýchod, jihozápad, jihovýchod*. В этот период начал развиваться тип названий химической терминологии *sirovodík, sirouhlík...* В 70-е годы 19 в. из новых формаций можно найти только *bohočlověk* и *Indoevropan*. Потребность в терминологии в современном языке заставила активизировать этот тип сложения: основы компонентов — это названия химических элементов и их соединений (*kyanovodík, propan-butan*), материалов (*sklolaminát, štěrkopísek*), животных (*ptakoještěr*), частей организма (*nosohltan*), философских (*časoprostor*) и этнографических понятий (*Ugrofin*). Специфическую группу представляют собой композиты, называющие физические величины (*ampérhodina, tunokilometr*).

Композиты с подчинительным отношением основ в словарях Кларета представляют собой в большинстве случаев искусственно образованные термины (*lunosvět, masočrv*). Их первые компоненты выражают статические признаки субстанций, называемых вторыми компонентами; в рассматриваемых сложениях первые компоненты выступают вместо прилагательных, образованных из существительных. В тех случаях, когда первый компонент называет живую субстанцию, он в редких самопроизвольно созданных сложениях приобретает форму посессивного адъектива (*kuřimor*). Эту форму мы видим также в древних топонимах типа *Kněžpole, Svinibrod*. У нескольких образований в качестве второго компонента используется *-mistr (hormistr)*; их специфической чертой является отсутствие коннекта.

В поздний период др.-ч. языка количество словообразований с первым компонентом, называющим животное, увеличивается (*kuřřit, žabistřevce*). Новыми являются композиты с первым компонентом *středo-*, обозначающие отрезок времени (*středoletí*).

В эпоху национального возрождения возникают, кроме прочего, и специальные термины типа *čitoslovce, rodokmen, hvězdokupa...* Суффиксальный тип сложения продолжает быть живым (*středomoří*). Устанавливаются два специальных типа: *stromořadí* и *bohosloví*. А. Вашек затем свидетельствует о существовании калек, относящихся к 70-ым годам 19 в. (*parolod, zeměkoule, zvěrokruh...*).

В наши дни подчинительные композиты со структурой S-K-S являются продуктивными, что доказывает и факт использования заимствованных основ (*vzduchotechnika, autoškola, fotočlánek...*). Широко употребляется и тип со вторым компонентом *-mistr (sbormistr)*. Однако перестали быть продуктивными типы с *-sloví* и *-řadí* в качестве вторых компонентов, а также суффиксальные композиты со *středo-* в качестве первого компонента. В целом, однако, подчинительные композиты со структурой S-K-S являются продуктивными.

10. Композиты-прилагательные со структурой А-К-S

Этот тип вне всякого сомнения является одним из самых первоначальных типов адъективных сложений. В праславянском языке слово-сложения типа **čpnovolvъ* и суффиксальные композиты типа **dobrovolvъ* представляли наименования семантического типа бахуврихи, т. е. сложное слово со значением обладания объектом (S). Возможен и тот факт, что тип бессуффиксальных композитов был источником для возникновения сложений-существительных одинаковой структуры компонентов с морфологической характеристикой муж. р. (**zoltogolvъ*).

Словосложения данного типа широко представлены в древнечешском языке. Их первыми компонентами бывают главным образом основы исконных прилагательных (*bělo-, malo-, staro- ...*), и редко производные основы (*lstivo-*). Лишь в меньшинстве случаев композит бывает снабжен только морфологической характеристикой, причем тогда, когда второй компонент называет нечто конкретное, обычно часть тела (*křivonohý*). Чаще всего композит имеет суффикс *-ný (novoměsiečný, ostrovtipný)*.

Поздний период древнечешского языка предлагает мало новых образований. Однако словарь Добровского, подытоживающий материал предшествующей эпохи, свидетельствует о живом процессе словосложения с новыми первыми компонентами типа *zrzavobradý* и суффиксальными образованиями, такими как *plnosrdečný, dobrozvučný*... Продуктивность типа ярко представлена и в словаре Юнгманна; кроме первых компонентов исконного происхождения, в данной функции употребляются и производные адъективы: *kosmatonohý, slechetnomyslný*... Первый компонент встречается и в форме основы существительного, мотивирующего относительное прилагательное: *blanokřídly, pěnokrevný*...

В новый период продуктивность композитов рассматриваемой структуры растет не только благодаря увеличивающемуся количеству первых компонентов-прилагательных, таких как *různo-, teplo-, úzko-* и т.д., но и главным образом за счет возрастающего репертуара десубстантивных первых компонентов типа *křřžo(květý), turbo(vrtulový)* и суффиксов вторых компонентов, таких как *-ový (vysokonapěťový), -ský (národohospodářský)* и *-ní (vysokofrekvenční)*. Среди композитов-прилагательных модель А-К-S представляет собой самый продуктивный тип на всем протяжении исследуемого периода.

11. Композиты-прилагательные со структурой N-K-S

Наличие данного типа во всех славянских языках свидетельствует о его праславянском происхождении. Впрочем, это вариант праславянских типов композитов бахуврихи, со значением обладания субстанцией (S), выраженных структурой А-К-S. Разобщенность в форме первого компонента свидетельствует, однако, об относительно позднем периоде возникновения этого образца: в одних случаях он имеет сходство с род. пад., а в иных — присоединяется другими коннектами: ср. др.-чеш. *dvúnohý*, рус. *двуногий*, но словян. *dvonog*.

В древнечешском языке первый компонент *jeden* с коннектом имеет форму *jedno-*, сложное слово снабжается либо только морфологической характеристикой, или суффиксами *-ný* и *-ní*: *jednonohý, jednobarevný, jednorodní*. Первый компонент *dva* получает форму родительного *dvú-* довольно редко (*dvúletý*), чаще это *dvoj-* (*dvojhlavý, dvojjazyčný*). Первый компонент *tři* имеет формы *tř-* (*třšhraný, třšpramenný*), *troji-* (*trojihraný*), *troje-* (*trojecestný*), *tré-* (*tréduchý*). Такая же вариантность характерна и для остальных первых компонентов, и для первых компонентов от 4 до 8. Числительное *pól* в композитах приобретает формы *pól(hlasý), polú(letní), polu(úroční)*. Однако числительное *sto* в композитах выступает в одной форме (*stoustý*). Разнообразие в формах композитов-прилагательных с первым компонентом от 2 до 4 продолжается и в поздний период древнечешского языка, при этом, однако, несколько ограничивается исконная синонимия образования. Формы первых компонентов числительных от 5 до 10 сливаются в общую для всего ряда форму, отвечающую форме род. п.

В период национального возрождения разнообразие форм первых компонентов с числительными 2-4 продолжается, при этом наблюдается тенденция к образованию суффиксальных словосочетаний (напр. *dvouletní // dvouletý*, также *polouletní // polouletý, čtyřhraný // čtyřhranný // čtyřhranatý*).

В новый период чеш. яз. в качестве второго компонента начинают употребляться производные и заимствованные существительные, что свидетельствует об увеличивающейся продуктивности типа. В этот период, однако, больше не образуются новые композиты с первым компонентом *čtver-*; продуктивным является только *čtyř-* (*čtyřstupňový*). Двумя формами и далее обладают лишь *dvou-* // *dvoj-*, *tří-* // *troj-*. В качестве альтернативы появляется новый первый компонент в форме родительного падежа *mnoha-* (*mnohačlenný* // *mnohočlenný*).

12. Композиты-прилагательные с местоимением в качестве первого компонента

О вероятности праславянского происхождения свидетельствуют лишь образования с первым компонентом **vьsь*, **samъ* и **svojbъ*. В древнечешском языке первый компонент с единственной формой *vše-* сочетается с адъективными основами как при образовании имен нарицательных (*vševědúci*), личных имен (*Všehrd*), так и топонимов (*Všechromy*) на территории Чехии. В поздний период др.-чеш. яз. наблюдается сочетаемость с отглагольными основами (*všetečny*). В период национального возрождения было образовано несколько искусственных сложений с производным прилагательным (*všekrásny*), отглагольным (*všežravý*) и отыменным прилагательным (*všelistý*) в качестве второго компонента; однако, не все они стали постоянной составной частью словарного состава. В современном языке продуктивен тип относительных прилагательных с основами, обозначающими этнические группы (*všeč(nský)*), и с отглагольными основами (*všežravý*).

Первый компонент *samo-* в древнечешском языке сочетается лишь с отглагольным вторым компонентом (*samospasitelny*). В поздний период др.-чеш. сочетания типа *sám druhý* переходят в композиты типа *samodruhý*. В современном языке доминирует тип с deverбальным вторым компонентом (*samožvaný*, *samolepicí*). Первый компонент в них указывает на условия самостоятельного действия.

Первый компонент *sebe-* в др.-чеш. встречается очень редко (*sebevolný*). В поздний период др.-чеш. в еще не слитных сочетаниях сравнительного родительного с компаративом прилагательного (*sebe lepší*) скрывался новочешский тип *sebelepší*, *sebekonkrétnější*, обозначающий допустимость высшей степени качества.

Из остальных местоименных основ несколько большее значение имели лишь первые компоненты *své-* и *každo-*.

13. Композиты-прилагательные с наречием в качестве первого компонента

Праславянское происхождение рассматриваемых словосложений не доказано, они начинают развиваться только в исторический период. Наиболее значительным является первый компонент *spolu-*, в др.-чеш. яз. сочетающийся как со вторыми производными (*spoludruhý*), так и производными компонентами (*spoluvěčný*, *spoluměstský*, *spolusedúci*). В поздний период др.-чеш. появляются новые образования со вторыми компонентами разного происхождения (*spolubližní...*). В новый период чеш. яз. *spolu-* сочетается в композитах исключительно с отглагольными вторыми

компонентами парадигматического образования (*spolucestující, spoluoprávněný...*).

Наречия, в др.-чеш. словосложениях обозначающие пространственные отношения (*dole, dolu, svrchu, nahově, okolo, mimo*), сравнительно часто используются в качестве первого компонента в сочетании с отглагольным вторым компонентом. Малочисленны образования с первым компонентом, обозначающим временные отношения: *děle-, dřeve-, často-*. В большинстве случаев словосложения данного типа продолжают создаваться и в поздний период древнечешского языка. Однако появляются и новые первые компоненты (*napolo-, zbrusu-*), и сложения, выражающие оттенки цвета (*zčernačervený*).

Эпоха национального возрождения приносит с собой новую сочетаемость компонента *mimo-* со вторым десубстантивным компонентом (*mimopodmětný*) и новые первые компоненты *všudy-, vně-, vnitř-, darmo-*. В современном чеш. языке самый продуктивный тип представляют сложения с первым компонентом *mimo-*. Антонимами к ним являются образования с первым компонентом *vnitro-* (*vnitroatomový*). Новым первым компонентом является *znovu-* (*znovunabytý*).

14. Композиты-прилагательные со структурой А-К-А

Данные сложения не являются праславянским наследием. В др.-чеш. языке появляются искусственные образования типа *horkosuchý, starodávny...* (Первый компонент *vele-* уже в др.-чеш. обладал модификационной функцией выражать большую степень качества или свойства.) Кроме этого создаются относительные композиты из двухчленных топонимических названий, напр. *novohradský* из *Nové Hradu*. В поздний период др.-чеш. яз. появляются новые словообразования, обозначающие оттенки цвета (*modrobledý*), и композиты со значением относительности типа *staročeský*. Количество образований отмеченной структуры существенно разрастается в результате создания неологизмов в период национального возрождения: словарь Юнгманна предлагает более 400 примеров, из них приблизительно четверть обозначает комбинации и оттенки красок, затем это ряд словосложений из исконных основ типа *širopustý*, образования терминологического характера, такие, как *vejčito-homolovitý*, и, наконец, многочисленная группа относительных композитов из двухсловных наименований типа *vrchnoprávní*. Однако большинство из этих словообразований не получило постоянного применения в языке. В поствозрожденческий период вновь документированы повторы типа *širošířý*. В современном языке наиболее продуктивным типом стали обозначения оттенков цвета и его комбинации. В послевоенный период под влиянием русского языка появляются композиты сочинительного характера типа *matematicko-fyzikální*, часты и взаимнообратные сложения типа *česko-polský*, затем живы относительные композиты с подчинительным (*literárněvědný*), а также сочинительным отношением основ компонентов (*vědeckofantastický*).

15. Адъективные композиты со вторым отглагольным компонентом

Данный тип, хотя и не является праславянским наследием, все-таки во многих случаях представлен в большом количестве примеров в др.-чеш. языке. Редки бессуффиксальные образования типа *prostotořeký*, но многочисленны сложения с суффиксом *-ný*; в качестве первых компонентов используются основы как существительных (*pravdomluvný*), так и прилагательных (*zlolajný*). Внутри рассматриваемой модели произошла некоторая инновация, заключающаяся в том, что вместо первого субстантивного компонента, присоединявшегося исконным коннектом, стала использоваться форма родительного падежа (*bohobojný // bohobojny*). Следующим др.-чеш. образованием были композиты с суффиксом *-lý*; в качестве первого компонента чаще всего были адъективные основы (*dlúhotrválý*), затем сложения со вторым компонентом в форме адъективизированного причастия как страдательного залога (*novokršćený*), так и действительного залога (*marnomluviect*); изредка создавались сложения с суффиксом *-ivý* (*dlúhočakalivý*).

В поздний период др.-чеш. язык дополняется сложениями с первым компонентом в форме родительного падежа: *chvályhodný, krvežíznivý...* В названный период продолжается образование суффиксальных типов с суффиксами *-ný, -ivý, -ící*, а также с суффиксами адъективизированных причастий страдательного залога. В итоге, однако, отмеченных композитов появилось немного, но в период национального возрождения данные композиты в словаре Юнгманна представлены в большом количестве. Наиболее часты в нем образования с суффиксом *-ný* (*hromovládny, blahosklonný, světoběžný...*), менее часты с суффиксами *-avý/-ivý* (*hmyzožravý, zimomřivý...*), редки с суффиксами *-lý, -ící-oucí, -ený*. Подъем в создании композитов наступает с использованием в качестве первого компонента генетивной формы (*bohamily, zdravíčovatelský...*). В словаре Добровского можно также встретить композиты, первый компонент которых называет источник сходства с качеством или свойством, содержащимся в основе второго компонента (*sněhobílý, ocelomodrý*). Это кальки немецких сложений типа *schneeweiß, stahlblau*. Несколько их возникло в период национального возрождения (*skálopevný, hrůzostrašný...*).

В новый период чешского яз. инновации касаются субстантивных первых компонентов. В словосложениях с суфф. *-ící-oucí* первый компонент бывает в форме винительного падежа: *službukonající, vlakvedoucí*; такие адъективы часто субстантивизируются. Новшеством являются немногочисленные композиты с прилагательным цели в качестве второго компонента: *dřevoobráběcí*. Своего расцвета достигают словообразования с суфф. *-ný* и субстантивным первым компонентом в форме род. п. : *důvěryhodný, akceschopný, mírumilovný...*, а также *vládychtivý, láskyplný...* Исключением является форма дат. пад. в таких образованиях, как *ohnivzdorný*. Продолжает быть продуктивным тип с суффиксами *-avý/-ivý* (*býložravý, letočivý...*), непродуктивным является тип с суфф. *-lý* (*starousedlý*).

16. Сложные числительные

Процесс становления количественных сложных числительных начался главным образом на рубеже праславянского и дописьменной фазы древнечешского языка и закончился в ранний исторический период. Во всех случаях речь шла о слиянии компонентов в речевом потоке, в результате чего возникло т. наз. сращение.

Сложные числительные от 11 до 19 возникли в результате слияния сочетания названий количественных числительных **jedyňъ, dъva, tri...* с предложной конструкцией **na desęte* и последовательным их изменением в звуковом составе: *dъva na desęte > dva na des'äte > dva na desęte > dvanadsęte > dvanādste > dvanāct*. Исконное склонение оставалось у числительных *jeden, dva ...*, форма предложной конструкции в качестве второго компонента не изменялась. После утраты исконного окончания предложного падежа, возникшее сращение с согласным в конце приблизилось к количественным числительным *pět* и т. д. и переняло их упрощенную флексию, заменившую исконное склонение i-основ. Данная флексия числительных обладает одной формой (*pět, jedenāct...*) в именительном и винительном падежах и другой, по происхождению генетивной (*pěti, jedenācti...*), — в остальных падежах. Описываемый процесс завершился еще в эпоху древнечешского языка.

Числительные 21–29 первоначально образовались из сочетаний количественных числительных с предложной конструкцией **medzi desętma*. Количественное числительное в первой части склонялось. Возникшее сочетание последовательно изменялось в своем звуковом составе: *medzi desętma > mezi des'ät'ma > mezi desietma > mezdcietma > me(z)cítma*. Такой способ обозначения чисел до третьего десятка использовался вплоть до XVI столетия.

Сочетание, называющее число 20, возникло за счет слияния наименования *dъva* с падежными формами двойственного числа наименования *desęť* и постепенного изменения его звукового состава: **dъva desęti > dva des'āti > dva desęti > dva dcęti > dvacęti > dvacet*. Так же, как и у предшествующей группы названий числительных, утрата первоначальной флексии привела к приемственности склонения числительных по модели *pět*. Первоначально склонялись обе части сращения. Так же происходило и развитие названий числительных 30 и 40, возникших путем сочетания наименований **tri* и **četyri* с множ. числом наименования *desęť*.

Сложные наименования чисел 50–90 возникли в результате слияния названий, обозначающих единицы **pětъ, šestъ, sedmъ, osmъ, devęť* с формой генетива мн. ч. наименования *desęť*, обозначающей счетный „предмет“. Первоначально склонялась лишь первая часть сочетания. Затем оно постепенно меняло свой звуковой состав: **pětъ desęť > pät' desät > pat desät > pat desät > paddesät > padesät; šestъ desęť > šest' desät > šestdesät > šedesät ...* Исконные вторые компоненты, измененные на основании отмеченного выше развития в форму *-nāct, -cet, -desät*, начиная с позднего периода др.-чеш. языка, получают характер специфических суффиксов.

В поздний период др.-чеш. языка в образовании сложных числительных никаких изменений не произошло.

В XIX в. по образцу немецкого языка созданы новые сращения для наименования числительных, такие как *jedenadvacet* и далее до *devětadevadesát*. В наши дни наблюдается тенденция к слиянию других сложных наименований числительных в форму сращений; она проявляется в возможности присоединения флексии лишь к последним частям или к последней части, напр. *s tisíc osm set osmadvadesáti* (*//devadesát(i) osmi*) *korunami*.

Сложные наименования порядковых числительных *jedenáctý — devadesátý* возникли и возникают путем деривации от сложных наименований количественных числительных. Сложные наименования порядковых числительных в наши дни иногда образуются (в соответствии с их флективным поведением) путем присоединения деривационного суффикса только к последней части сочетания: *tisíc devět set devadesátý sedmý // tisíc devět set sedmadvadesátý* (при существующем традиционном способе словопроизводства: *tisíci devítistý devadesátý sedmý*).

17. Сложные наречия

Подавляющее большинство сложных наречий, представленных в письменных материалах, является результатом транспозиции сложных прилагательных, напр. *jednotajně, lehkomylně, obapolně* или *starodávno, staročesky...* Таким образом это происходило на протяжении всего исторического развития. Наречий, созданных по способу настоящего образования композитов, очень мало. Это в большинстве случаев результат некатегориальных, а скорее случайных процессов. К раннему периоду древнечешского яз. можно отнести единичные случаи образований, такие, как *jednoruč, obapol, vzhůruvodně, očivistě...* Более выразительной является группа, представляющая композиты-наречия, вторым компонентом которых является застывшая форма причастия действительного залога, а первым компонентом — обозначение обстоятельство: *divnočině, hroznočině, prvospě, spoluhodujě, spolužěda, skorozdě...* Частотность таких, в большинстве своем случайных, образований в текстах невелика.

Характер композитов уже не имеют числительные, заканчивающиеся формантом *-krát*, получившим характер суффикса еще в праславянский период. Косвенным свидетельством этого факта является форма первого компонента, не всегда отвечающая форме род. пад. числительного, что было характерно для композитов с числительным в качестве первого компонента, и факт, что такое образование представляет собой конец деривационного ряда. Второй компонент *-násob*, обозначающий сходство умножаемых элементов („на себя“), первоначально комбинировался с суффиксом *-krát* (*šest krát násob...*), а затем стал обозначать умножение самостоятельно.: *dvénásob, trénásob...*, аналогично и *jednásob*.

В поздний период древнечешского языка (у Коменского) лишь изредка появляются и другие наречные образования: *takhle, jakořka, nicméně...* Добровский кроме *samočiř* представляет новый тип сращений: *zčistadobra, zčistajasna...* Композиты-числительные, обозначающие умножение, начиная с позднего периода др.-чеш. языка, чаще всего приобретают суффикс: *dvojnásobně, sedmnásobně...* Словарь Юнгманна в качестве нового сложения предлагает образования со вторым компонентом в форме творительного

пад.: *horempádem* // *horempátem*, *venkoncem* (последнее образование он характеризует как областной моравский или литомышельский узус), и, кроме этого, изредка встречающиеся образования типа *vůčihledě*.

У новых композитов современного языка чаще всего второй компонент бывает в форме творительного пад.: *horemdolem*, *křížemkrážem*, *kolkolem*, *pološepem*, *položerem*... Первый компонент *polo-*, кроме указанных случаев, появляется и в сложениях типа *polosedě*, *pololeže*... Единственным примером является композит *všehovšudy*. Форманты *málo(kdy)*, *zřídka(kdy)*, *bůhví(kde)*, *kdoví(jak)*, *sebe(lépe)* имеют уже характер модификационного префикса.

18. Сложные глаголы

Эти композиты не относятся к праславянскому наследию. Многочисленные старославянские сложения, такие, как *blagosloviti*, *blagoizvoliti*..., — это кальки греческого образования. Примером палеославянизма является древнечешский глагол *blahoslaviti* (преобразованный из исконного *blagosloviti*). Несколько позднего происхождения *dobrořečiti* (// *dobřeřečiti*) и *zlořečiti* являются кальками с латинских глаголов *benedicere* и *maledicere*. Аналогичным путем затем возникли словосложения с согласованным вторым компонентом *protiřečiti*, *prostorečiti* и *krásnorečiti*. Единственным древнечешским сложным глаголом, не имеющим характер кальки, является *cuzoložiti*. В то время, будучи еще редким, сложение *spolupomáhati* было образованием другой структуры, до некоторой степени предвосхищающим в поздний период частый тип глагольных композитов с первым компонентом *spolu-*.

В поздний период др.-чеш. языка Коменский приводит лишь два, до тех пор не зарегистрированных, сложных глагола: *veleslaviti* и *ptákopraviti*. Добровский, резюмирующий и поздний период древнечешского языка, отмечает лишь два новых сложения: *jednocítiti* и *stejnocítovati* „sympatisiren“. Словарь Юнгманна регистрирует *blahovoněti* и неологизм того времени *blahočíniti*, затем *svatorušiti* и до тех пор еще редкий пример композита с первым компонентом *spolu-*, указывающим, однако, на будущее продуктивного типа с префиксальным характером второго, глагольного компонента: *spolusebrati*. (Платформой для его возникновения являются уже многочисленные субстантивные и адъективные композиты со вторым девербальным компонентом типа *spolubydlení*, *spolubydlíci*.)

Современный язык отмеченное предположение подтверждает. Глаголы с первым компонентом *spolu-*, обозначающие обстоятельства участия при совершении действия, представляют собой наиболее часто встречающийся тип глагольных композитов: в качестве второго компонента используются непрямые (*spoluhrát*, *spolužít*...) и производные (*spolubojovat*, *spolustolovat*...), а также и заимствованные глаголы (*spolufarmovat*, *spoluredigovat*...), затем префиксальные глаголы совершенного (*spoluvytvořit*...) и несовершенного вида (*spoluvytvářet*). В современном чешском языке таких глаголов зарегистрировано свыше сорока.

Первый компонент *znovu-*, обозначающий обстоятельство повторного совершения действия, также отмечен широкой сочетаемостью, но несколько меньшей по сравнению с первым компонентом *spolu-*. *Znovu-* сочетается почти исключительно с префиксальными глаголами обоих видов (*znovu-*

vyzbroit, znovuvybrojovat, znovuozít, znovuozívat) и изредка с непрефиксальными глаголами (*znovubudovat // znovuvybudovat*). Пока не найдено его сочетание со вторым заимствованным компонентом. Другие первые компоненты зарегистрированы лишь в редких новых образованиях типа *blahopřát, zlověstit, krasobruslit*.

Заключение

Основную информацию о значении менее частотных слов обеспечивает словообразовательная мотивированность (Furdík 1993). Она осуществляется посредством словообразовательного приема деривации или сложением. Однако между ними есть принципиальные различия. Так например, субстантивный дериват *vůdce* при помощи суффикса *-ce* сообщает, что названная субстанция есть лицо, признаком которого является совершение действия, выраженного производной основой *vod-*, а именно действия „*vedení*“ (Dokulil 1968). Субстантивный композит *psovod* посредством второго компонента *-vod* информирует о том, что речь идет о субстанции, которая определяется лишь отношением к действию „*vedení*“ („вести“). Посредством первого компонента данный композит называет другую субстанцию, представляющую собой некоторое дополнение отмеченного действия: однако спецификация обеих субстанций не вытекает из языковых форм, а дана конвенцией пользователя, основанной на том, что наименование *psovod* относится к лицу в отличие, напр., от наименования *vodovod*, называющего неодушевленную конкретную субстанцию. У адъективных же композитов по сравнению с адъективными дериватами речь идет о расширении содержащейся информации. Языки разных типов используют эти два приема по-разному.

В праславянском языке основным приемом была деривация, а дополнительным — словосложение. Функцией последнего были, очевидно, обслуживание терминологической (*muchomorъ, *devętsilъ, *čъnobyлъ, *boligolvъ), описательно-характеризующей (*golobordъ, *kalivodъ) и онимической областей (*Vyšegordъ, *Svętoplъkъ, *Mъstislavъ). Праславянские типы композитов вне всякого сомнения представляют собой исконные, незаимствованные образования. Об этом свидетельствуют исконные формальные симптомы. К ним относятся коннекты в форме краткого основообразующего гласного в первом субстантивном компоненте, коннект *-i-* у первого глагольного компонента и коннект *-o-* у первого адъективного компонента. Затем это измененная морфологическая характеристика второго субстантивного компонента в случае экзогенных (*devętsilъ, *zoltogolvъ, *kalivodъ), а впоследствии и эндогенных композитов (др.-чеш. *velryb*).

В последний период существования праславянского языка отмеченные выше приемы, сложение и деривация, стали комбинироваться. Возникавшие сложно-деривационные образования в значительной степени расширили содержащуюся в них информацию: так, например, образование *člověko-ubijьsa*, благодаря суффиксу *-ьsa*, имеющему значение „действующее лицо“, сообщало, что речь идет о лице, получившем название в результате совершения действия, отраженного вторым компонентом, первый же компонент содержит в себе другие из возможных семантических допол-

нений действия; в приведенном примере это субстанция, на которую направлено действие. Все это было весьма важной предпосылкой для успешного развития словосложений в будущем.

В древнечешском яз. рассмотренный праславянский способ был продолжен с некоторыми изменениями. Коннект, объединяющий оба компонента, перестал быть зависимым от основы первого субстантивного компонента. В функции коннекта в некоторых случаях полноправно выступает и окончание родительного падежа первого компонента (раньше это было исключительным правом формы имен числительных), а именно прежде всего там, где вторым компонентом является основа с суффиксами *-iel/-tie*, имеющая значение действия, и, кроме того, у некоторых адъективных композитов со вторым отглагольным компонентом. У сложений с первым глагольным компонентом его форма с коннектом *-i-* бывает заменена императивной формой. Однако окончания отмеченных первых компонентов никогда не выполняют синтаксической функции, а обладают только коннективной функцией, т. е. такой же, как напр. и коннекты основообразующего происхождения.

Типы сложений в исторический период берут свое начало в праславянском языке и развивают его наследие. Прогресс частично заключается в расщеплении некоторых типов; так, например, в качестве первых компонентов у субстантивных сложений со вторым отглагольным компонентом начали использоваться и основы прилагательных, что привело к возникновению типа терминологического обозначения А-К-V (*ostrovid*). Частично развитие типов определялось сочетаемостью компонентов: так, первым компонентом адъективных композитов со структурой А-К-S первоначально были непронизводные прилагательные (*křivonohý*), начиная с периода национального возрождения стали использоваться и производные прилагательные (*kosmatonohý*), затем основы существительных (*blanokřídly*) и, наконец, в современном языке в качестве второго компонента употребляются и заимствованные основы (*vysokofrekvenční*). Как высокопродуктивные типы во всех частях речи проявляются, естественно, вторые отглагольные компоненты. Так, например, установился и далее развился тип композитов-прилагательных с первым компонентом, который мог быть представлен как субстантивным (*licoměrný*), так и адъективным элементом (*starožitný*), второй же компонент постепенно приобретал разные суффиксы отглагольных прилагательных.

Весьма важным этапом в развитии композитов было и парасистемное образование, заключавшееся в комбинировании семантически несовместимых компонентов для создания наименований, главным образом антропонимов (Pleskalová 1998), например *Sudivoj, Vladislav*. Следующей очень важной областью, где могли быть использованы особенности сложений, является экспрессивная сфера. Композиты здесь использовались прежде всего для образования названий лиц и обозначения их особенностей. Это находится в согласии с выделением Немцовым роли периферийных моделей наименования (Němec 1968).

Иностранное влияние, главным образом немецкое, не является таким сильным, как об этом судят Трофимович 1968 или Рейтер (Reiter 1953).

Бесспорно оно в становлении адъективных композитов с первым субстантивным компонентом в форме род. пад. (*láskyplný*), в резком количественном росте субстантивных композитов с первым адъективным компонентом (*velkoměsto*), а также в образовании сращений-числительных для названия количества, большего, чем 20 (*jedenadvacet...*); во всех отмеченных случаях это связано с предоставляемыми возможностями системы чешского языка. Остальные кальки, развившиеся в типы, представляют собой явление ocasionальное (напр. *sněhobílý*). Как, кстати, констатирует E. Kaiser 1980, ряд типов немецких композитов в славянских языках, находящихся в контакте с немецким языком, никаких соответствий в них не имеет.

Образование так наз. сращений, т. е. сложных слов, возникших посредством слияния следовавших в потоке речи друг за другом слов, является ocasionальным фактом, наиболее часто используемым лишь при создании числительных и наречий.

Словосложение в чешском языке является дополнительным приемом в области словообразования, использовавшимся и используемым прежде всего в области терминологии, в образовании собственных имен и частично в качестве средства при создании экспрессивных наименований. Если в раннюю историческую эпоху словосложение часто использовалось в области образования имен собственных, то в наши дни оно в большей степени находит свое применение в сфере создания терминов.